

Утро Литвы. - Вильнюс. - 1990. -
КОГДА НАСТУПИТ ДЕНЬ
ПРИМИРЕНИЯ?

Историка Людаса Труску и режиссера Каунасского драматического театра Витаутаса Бальсиса привели к этому диалогу, должно быть, воспоминания — свои и чужие, — воспоминания всей Литвы о послевоенной резистенции. Видимо, мы еще не можем позволить себе роскошь веселиться даже в этот день — глядя в еще не омраченные бедами, ссорами три предстоящих года.

Людас ТРУСКА: Такая противоречивая тема, в ней переплелись и жестокость, и благородство... Помню, в моей деревне сосед Ионас был связным, а партизанский связной весьма важная личность — он знал, где находится бункер, получал продукты, предоставлял информацию. Охранка очень за ними охотилась. Его взяли, но потом отпустили. Трудно сказать, был ли он завербован. Но позднее его нашли на деревенской вечеринке, привели домой и приказали зарубить топором отца и мать. Он сделал это. Или вот еще. Шел уже 1949 год, людей везли в Сибирь. Семь или восемь подростков прятались, но укрывать их все боялись. Что ж делать — они отправились в лес. Там им сказали — мы уже погибли, а вы идите и живите. Не приняли. Так они остались в живых. Повсюду раньше утврждали, что простые люди имеют лишь материальную заинтересованность... Заблуждение, унижающее наших крестьян. Я знаю старое поколение, их осталось совсем мало. Это поколение светлых людей. Я часто сравниваю их со своими студентами. Старое поколение не на одну, а на две головы выше. Литовская деревня не была равнодушна к Литве. Она ждала свободной Литвы. Все рассчитывали, что с уходом немцев Литва станет свободной.

Витаутас БАЛЬСИС: Все мои идеи — не из эмпирического опыта. Это воспоминания родителей, предков. Еще когда учился в консерватории, когда мы собирали по деревням фольклор, я чувствовал, что партизанский дух еще жив. Когда люди издали видели выходящих из леса студентов, то одинокие старые женщины говорили — вот так они приходили из леса и усаживались... Трудно сказать, отчего брались за то или иное произведение. Это людское самопожертвование и вместе с тем заблуждение. Но меня интересует картина героя. Героя, похожего на Бога, на создателя, на борца. На такого человека, который нужен всем. Я искал материал, чтобы скорее заговорить об этом времени. Можно было сделать спектакль на настоящих воспоминаниях. Однако меня волновал выбор, то, как они стали борцами. Но когда начинаешь рассказывать, то получается не то. Я все время стараюсь вслушиваться в рассказы старых людей. И сейчас мне очень нравится слушать их.

Людас ТРУСКА: Рискованно опираться на оценку людей из нынешнего поколения. Партизанская война тогда была действительно священной. Литовцы пели только о том, чем они восхищались, — нет песен ни о ворах, ни о гребителях. Нет песен и о стрихах, а вот о партизанах — тысячи. 40 лет целенаправленной официальной пропаганды перевернули все вверх дном. Моя мама очень меня удивила — 40 лет назад она совершенно иначе обо всем этом говорила. Во всяком случае, на их руках много безвинной крови, а такая кровь не смывается. Когда та борьба утратила всякую перспективу, когда стало ясно, что никакие американцы не при-

дут, она сошла на нет. Нельзя считать партизанами всех, кто скрывался. Тот, чьи руки обгажены кровью невинных, — бандит.

Витаутас БАЛЬСИС: В одном спектакле невозможно разделить всех на добрых и злых.

Хотелось эту спорную ситуацию представить в несколько ином свете. Нас очень угнетало то, что руки всех их обгажены кровью.

Людас ТРУСКА: Как это — всех? Кровь врага — это не кровь невинного человека.

Витаутас БАЛЬСИС: Но не хочется превращать человека в святого, если он не знает, кого нужно убивать. На сцене этого и не видишь, не знаешь о том, кого он убил. Театр не может заниматься решением специальных исторических вопросов. Он как песня, в которой поешь о том, чего жаждешь, а если все погибло — оплакиваешь. Мы старались оплакать цели этих людей, их преданность делу.

Людас ТРУСКА: Не верю, что можно написать значительное произведение, игнорируя среду. «Пробуждение» А. Шкемы мне не понравилось. Это актуально, ново и так далее, но... Впрочем, я могу и ошибаться...

Витаутас БАЛЬСИС: Нет, вы очень верно сказали. Делать из этого сенсацию? Я с самого начала стремился показать то внутреннее самоопределение, которое очень трудно. А не картинку для людей, не умеющих читать. Театр может быть и таким. Картинка для неграмотных. Или как бой гладиаторов. Это и информация, и удовлетворение. Но я искал тему не ради сенсации.

Людас ТРУСКА: Эта тема — неиссякаемый источник. Период очень важный и трагичный. Мы только-только начинаем его осознать. Но я выделил бы тут не героичность. Мне бросается в глаза... безнадежность, обреченность.

Витаутас БАЛЬСИС: Мне очень понравилась мысль о том, что тут лишь начало осознания. Но мне кажется, что хватит уже воспитывать на примерах — будь таким, каков ты есть.

Людас ТРУСКА: Мне тоже трудно представить, что можно было воспитывать Ванаса примерами. Но дети должны знать обо всем, о гражданской войне, о вывозе в Сибирь, о расстрелах. Я пропагандирую такую идею «Саюдиса», ныне немного забытую, — нет иного выхода. Нужно забыть, были ли твои предки партизанами или стрихами. Но что говорить о примирении между теми, кто 50 лет назад сражался, если мы и сейчас не можем примириться. Это множество партий, радикализм, урапатриотизм.

Витаутас БАЛЬСИС: Вот как грустно мы закончили.

Людас ТРУСКА: Литовцам необходимо национальное примирение. Достаточно морального осуждения несправедливых.

Беседу записала
С. УРБОНАВИЧЮТЕ.